

Библіографія.

Izydor Szaraniewicz.—O latopisiach i kronikach ruskich XV i XVI wieku, a zwłaszcza „wielikiego kniazstwa litowskiego i zomoitskiego“. Osobne odbicie z rozpraw wydziału filozoficznego akademij umiejętności. T. XV. Krakow. 1882.

Исидоръ Шараневичъ.—О русскихъ летописяхъ и хронологіи XV и XVI ст., въ особенности же о летописи великаго княжества литовскаго и жомойтскаго.—Оттискъ изъ изданій философскаго отдѣла краковской академіи наукъ, томъ XV. Краковъ. 1882 г.

Уважаемый львовскій профессоръ г. Исидоръ Шараневичъ, въ качествѣ члена краковской академіи наукъ, предлагая этой академіи предпринять изданіе западно-русскихъ летописцевъ XV и XVI столѣтій и составилъ трудъ, заглавіе котораго выписано выше, въ качествѣ предварительнаго разсужденія съ цѣлью обратить вниманіе академіи на предложенные имъ для изданія памятники. Этою цѣлью и объясняется то обстоятельство, что записка много потрудившагося для исторіи галицкой Руси ученаго появилась на польскомъ языкѣ.

Въ изслѣдованіи своемъ г. Шараневичъ подвергаетъ внимательному разбору и сличенію между собою слѣдующія западно-русскія летописи, такъ называемаго литовскаго или средняго цикла, который онъ строго ограничиваетъ какъ отъ цикла древнихъ русскихъ летописей, такъ и отъ цикла летописцевъ позднѣйшихъ, козацкихъ:

- 1) Летопись великихъ князей литовскихъ (изд. Даниловича и Понова).
- 2) Русская летопись (изд. Даниловича).
- 3) Краткая кievская летопись (изд. кн. Оболенскаго, такъ наз. Супральская).

4) Хроника литовская (изд. Нарбутта, такъ наз. Быховца).

5) Лѣтописцы Волини и Украины (рукопись института Оссолинскихъ во Львовѣ).

6) Лѣтописецъ великаго княжества литовскаго и жомойтскаго (рукопись библиотеки Рачинскихъ въ Познани и копія его fac-simile, изготовленная Бѣлевскимъ для рукописнаго отдѣленія института Оссолинскихъ во Львовѣ).

Первые четыре источника хорошо извѣстны въ русской исторіографіи, потому мы обратимъ вниманіе только на два послѣдніе. *Лѣтописцы Волини и Украины* представляютъ собственно рукописный сборникъ лѣтописей, въ составъ котораго вошли 6—7 отрывковъ мѣстныхъ лѣтописей: бѣлевскихъ, волинскихъ и смоленскихъ XVI и XVI столѣтій, текстъ которыхъ частью совпадаетъ, частью поясняетъ и дополняетъ извѣстные понинѣ русскія лѣтописи; нѣкоторые же отрывки представляютъ совершенно самостоятельные и оригинальные лѣтописные рассказы. *Лѣтописецъ великаго княжества литовскаго и жомойтскаго*, разборомъ котораго г. Шараневичъ занялся особенно тщательно и подробно, представляетъ по его мнѣнію совершенно самостоятельную лѣтопись и напрасно по нынѣ почитался вариантомъ лѣтописи Быховца. Мнѣніе это авторъ подтверждаетъ многочисленными сличеніями обѣихъ текстовъ; важнѣйшіе его аргументы состоятъ въ слѣдующемъ: составитель «лѣтописца великаго княжества литовскаго» по убѣжденіямъ своимъ преданъ монархической власти великихъ князей и одобряетъ ихъ политическія тенденціи; онъ съ особою любовью повѣствуетъ о дѣяніяхъ великихъ князей Александра и Сягизмунда, не одобряетъ князя Михаила Глинскаго и при каждомъ удобномъ случаѣ заноситъ въ лѣтопись распространяемые его врагами дурные о немъ слухи; составитель этой лѣтописи жилъ правдоподобно при дворѣ Сягизмунда I; ему не только точно и подробно извѣстна политическая дѣятельность этого великаго князя, но онъ заноситъ въ лѣтопись съ мельчайшими подробностями (указывая часы, обстановку, погоду и т. п.) всѣ случаи чисто семейной его жизни и мелкія придворныя происшествія; притомъ составитель лѣтописи пользуется совершенно самостоятельными официальными документами, изъ которыхъ подробно вымѣчаетъ различныя пожалованія, назначенія въ должности и т. д., а также, вѣроятно изъ придворной метрической книги, выписываетъ обстоятельныя свѣдѣнія о мѣстѣ погребенія князей, о дняхъ рожденія дѣтей въ семьѣ великаго князя и т. п. Источники эти не были извѣстны составителю лѣтописи Быховца, который за то пользовался при разсказѣ событій XIII вѣка Ипатскою лѣтописью, совершенно не извѣстною «Лѣтописцу великаго княжества

литовскаго и жомойстскаго». Притомъ, по своему субъективному настроенію и по политическимъ симпатіямъ, составитель лѣтописи Быховца стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія; онъ сочувствуетъ группѣ литовско-русскихъ князей, пытавшихся ограничить власть великаго князя и противудѣйствовавшихъ уніи съ Польшею, вслѣдствіе этого отзывъ его о князѣ Глинскомъ сочувственны, а дѣйствія вел. кн. Александра подвергаются часто порицанію. Наконецъ объ лѣтописи, хотя составлены по одному плану, тѣмъ не менѣе и начинаются не вполнѣ тождественно и прекращаются въ различное время.

Конечно, сколь ни авторитетно имя г. Шараневича, мы полагаемъ, что его выводы могутъ быть окончательно провѣрены историческою критикою только послѣ изданія «Лѣтописца великаго княжества литовскаго и жомойтскаго», но тѣмъ не менѣе мы признаемъ, что его добросовѣстный ученый трудъ въ значительной мѣрѣ подготавливаетъ разработку историческаго матеріала для исторіи западной Руси, надъ которымъ нынѣ трудился весьма немногіе ученые. Въ случаѣ-же, если состоится предположенное г. Шараневичемъ изданіе западно-русскихъ лѣтописей, исторія западно-русскаго края будетъ ему вдвойнѣ признательна какъ за инициативу этого весьма желательнаго научнаго предпріятія, такъ и за солидный трудъ, предпринятый имъ для объясненія и оцѣнки самыхъ существенныхъ памятниковъ западно-русскаго бытописанія.

В. А.

Дренякинъ.--Вѣлгородъ съ уездомъ. Историко-статистическій очеркъ. Харьковъ, 1882 г.

Книжка г. Дренякина, члена сотрудника императорскаго русскаго географическаго общества, какъ значится въ его подписи подъ предисловіемъ, привлекла наше вниманіе какъ своимъ заглавіемъ, такъ и квалификаціею автора. При крайней скудости какъ источниковъ, такъ и разработки исторіи слободскихъ полковъ, мы рассчитывали найти въ монографіи г. Дренякина мѣстный матеріалъ для дополненія малочисленныхъ свѣдѣній, приведенныхъ нынѣ въ извѣстность, объ исторической судьбѣ слободской Украины. Ожиданія наши были естественны, такъ какъ въ теченіи всего XVIII столѣтія Вѣлгородъ былъ центральнымъ мѣстомъ управленія козацкихъ слободскихъ полковъ, находившихся подъ главнымъ начальствомъ бѣлгородскихъ воеводъ.

Къ несчастію, надежды наши не оправдались и изъ брошюры г. Дренякина мы не только не узнали ничего новаго, но нашли въ ней

менше данныхъ, чѣмъ въ двухъ страницахъ географическо-статистическаго словаря Семенова, посвященныхъ Бѣлгороду и его уѣзду, съ которыми авторъ даже не справился, не смотря на свое знаніе «члена сотруднива географическаго общества». Вся тощія, хотя роскошно изданная, брошюра (65+II стр.) раздѣлена, согласно заглавію, на двѣ части: историческую и статистическую. Въ статистической части помѣщены подъ видомъ статистическихъ таблицъ различныя перечневыя вѣдомости, не дающія матеріала ни для слученій, ни для выводовъ; при чемъ мы замѣтили, что нѣкоторыя таблицы составлены по весьма странному методу: одни и тѣже заглавія надписаны и въ верхнихъ графахъ и въ боковыхъ и имъ конечно отвѣчаетъ одна и тѣже цифра. Предоставляя впрочемъ статистикамъ судить о достоинствѣ этой части труда г. Дренякина, мы конечно обратились съ большимъ интересомъ къ исторической части, но здѣсь мы нашли даже не компляцію, а простыя выписки изъ двухъ сочиненій, которыми, по неизвѣстной причинѣ, авторъ пошелъ возможнымъ исключительно ограничиться,—изъ «Городскихъ поселеній российской Имперіи» и изъ статьи архимандрита Анатолія: «Бѣлгородъ и его святыня», помѣщенной въ «Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Хотя изъ выписокъ этихъ мы узнаемъ, въ чемъ впрочемъ и раньше мы не сомнѣвались, что Бѣлгорода (курскаго) не слѣдуетъ отождествлять ни съ Бѣлгородомъ киевскимъ, ни съ Вѣдой Вѣжею хазарскою; по за то ни объ исторіи колонизаціи хотя-бы только бѣлгородскаго уѣзда, ни о значеніи бѣлгородскихъ воеводъ въ XVII ст., ни объ устройствѣ слободскихъ полковъ, мы не находимъ ничего, кромѣ намековъ на общіе, всѣмъ давно извѣстные факты. Воздержаніе свое по этому поводу авторъ объясняетъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, всѣ матеріалы для болѣе обстоятельной мѣстной исторіи «то вывезены, то подверглись тлѣнію, мышѣдѣду (sic) пав пошли на обертку корицы и гвоздичи». Изъ такого безпадежнаго и безвыходнаго положенія историкъ Вѣлгорода спасень только тѣмъ, что уцѣлѣли «Городскія поселенія российской имперіи» и статья архимандрита Анатолія.

Прочитавъ книжку г. Дренякина, читатель невольно задаетъ себѣ вопросъ: къ чему и для кого она издава? На вопросъ этотъ авторъ отвѣчаетъ, что онъ желать «распространить по лицу родной мѣстности вѣрныя о ней свѣдѣнія—новизну для большинства». Сомнѣваясь нѣсколько въ «новизнѣ» свѣдѣній, мы полагаемъ, что даже желанію популяризировать эти скудныя свѣдѣнія авторъ самъ положилъ довольно существенную преграду,—его тощія во всѣхъ отношеніяхъ брошюра стоитъ 1 рубль.

В. А.

Сношенія императора Рудольфа II съ козаками и ихъ участіе въ войнѣ уро-турецкой 1594—1592 года. Написалъ Корнило Заклинскій. Львовъ. 1882 г.

Г. Корнило Заклинскій молодой, весьма трудолюбивый и талантливый галицко-русскій ученый, недавно еще выступилъ на литературное поприще. Если не ошибаемся, первый его трудъ появился на страницахъ научно литературнаго львовскаго журнала «Зоря» въ 1880 г., подъ заглавіемъ: «Руски лѣтописи и лѣтописці XVII столѣтія». Въ этомъ трудѣ авторъ представилъ весьма тщательный и дѣльный разборъ т. н. козацкихъ лѣтописей XVII ст. Продолжалъ заниматься въ избранномъ направленіи, г. Заклинскій помѣстилъ въ годичномъ отчетѣ академической (русской) гимназіи во Львовѣ за 1882 г., въ которой онъ состоитъ учителемъ, монографію, заглавіе которой мы выписали.

Не смотря на скромный размѣръ предположенной задачи, г. Заклинскій познакомился весьма основательно съ многочисленными источниками и пособиями, относящимися къ избранному имъ сюжету и малѣйшую подробность обставилъ ссылками, свидѣтельствующими о крайне добросовѣстномъ отношеніи его къ историческому изученію. Кромѣ сочиненій и документовъ, относящихся непосредственно къ исторіи козачества и южной Руси, онъ изучилъ важнѣйшіе источники для исторіи Германіи, Турціи, Польши, Венгрии и Трансильваніи въ концѣ XVI столѣтія и извлекъ изъ нихъ все указанія и данныя для своего сюжета. Очеркъ отличается живымъ и толковымъ изложеніемъ. Указаны причины борьбы Турціи съ Германіею и, вслѣдствіе завоевательной политики первой, изолированное положеніе императора Рудольфа второго въ то время, когда турки устремились съ усиленною энергіею на завоеваніе Венгрии. Вслѣдствіе малодушной и недальновидной политики Польши, императоръ Рудольфъ долженъ былъ одинъ вынести все бремя борьбы, средства-же его были весьма ограничены; члены германской имперіи не доставляли на военныхъ контингентовъ, ни денегъ, и императоръ принужденъ былъ силы для борьбы извлекать исключительно изъ своихъ родовыхъ владѣній. Между тѣмъ въ 1593 году сильная турецкая армія, подъ начальствомъ Синава-паши, переправилась черезъ Дунай, заняла южную часть Венгрии, вмѣстѣ съ ея столицею Будою, и овладѣла сильною крѣпостью Рабать; въ помощь этой арміи вызваны были крымскіе татары; они цѣлою ордою прорвались черезъ польскія владѣнія, прошли Карпаты и соединились на Дунаѣ съ турецкою арміею. Среди столь трудныхъ обстоятельствъ при дворѣ императора въ Прагѣ появился политическій авантюристъ, нѣкто Станцлавъ Хлопицкій, который, выдавая себя за козац-

каго гетмана, предложилъ императору содѣйствіе козацкаго корпуса, числомъ въ 10,000 человекъ, которые будто отправили его въ Прагу, съ порученіемъ заявить свою готовность поступить на императорскую службу. Рудольфъ II не имѣлъ яснаго представленія о томъ, что такое казаки, и потому поручилъ своему послу, отправившемуся въ Москву, собрать справки по этому предмету. Посоль вскорѣ допесъ, что въ Москвѣ совѣтуютъ принять казаковъ на службу, что это народъ воинственный, искони враждебный туркамъ и весьма удобный въ качествѣ наемнаго войска, особенно для партизанской войны. Получивъ это извѣстіе, императоръ рѣшился воспользоваться предложеніемъ Хлопицкаго и отправилъ къ казакамъ посла—Эриха Лиссоту съ подарками и съ предложеніемъ явиться къ нему на помощь въ Венгрію и беззаконть турокъ нападеніями на ихъ владѣнія. Исторію этого посольства г. Заклинскій описалъ весьма подробно по извѣстному дневнику самаго Лиссоты. Результатомъ договора, заключеннаго послѣднимъ съ казаками въ Сѣчи на Базавлужѣ, были три похода казаковъ противъ турокъ и ихъ союзниковъ, предпринятые въ 1594 и 1595 годахъ подъ начальствомъ Лободы и Наливайка. Первый походъ Наливайка, въ іюль 1594 года, имѣлъ цѣлю произвести диверсію въ тылу турецкой арміи; Наливайко сжегъ города Тягинь, Килію и опустошилъ турецкія и татарскія поселенія по нижнему Дунаю и Пруту. Гораздо болѣе вліянія на общій ходъ войны имѣлъ походъ, предпринятый въ сентябрѣ того-же года на Молдавію; Лобода и Наливайко съ отрядомъ въ 12,000 козаковъ опустошили сѣверную Молдавію, заняли Яссы и разбили у Сучавы молдавскаго господаря Арона ибранаго вонийскіа вассала султана; пораженіе это заставило Арона отказаться отъ зависимости отъ Турціи и вступить въ союзъ съ волошскимъ господаремъ Михаиломъ и трансильванскимъ княземъ Сигизмундомъ Батори; союзники рѣшили отложиться отъ Турціи и подчиниться императору, который такимъ образомъ пріобрѣталъ весьма солидную поддержку въ борьбѣ съ турками. Комбинацію эту давно уже предлагалъ Сигизмундъ Батори, но она не могла состояться вслѣдствіе сопротивленія Арова, который принужденъ былъ приступить къ союзу только вслѣдствіе погрома, нанесеннаго ему казаками. Это важное политическое значеніе похода Лободы и Наливайка первый разъ указано г. Заклинскимъ, такъ какъ понывѣ, со словъ польскихъ бытописателей, обыкновенно полагали, что походъ этотъ былъ предпринятъ исключительно съ цѣлю грабежа. Наконецъ третій походъ состоялся въ августѣ 1595 года. Наливайко прорвался черезъ Карпаты въ Венгрію и до поздней осени принималъ участіе въ дѣйствіяхъ противъ турокъ имперской арміи, состоявшей подъ начальствомъ эрцгерцога Максимилиана. Въ 1596 году участіе

козаковъ въ венгерско-турецкой войнѣ прекратилось, потому что въ это время имъ пришлось бороться съ поляками. Поводомъ этого столетовенія и были главнымъ образомъ походы козаковъ въ Венгрію, такъ какъ польское правительство въ данное время, руководясь взглядами канцлера Яна Замойскаго, старалось не только сохранить строгій нейтралитетъ, но и оказывало косвенно нерасположеніе къ императору и поддержку Турціи,—иногда пропустили черезъ свои владѣнія татаръ, стремившихся въ Венгрію и потомъ способствовали возведенію на престолъ Молдавіи господаря, расторгшаго союзъ христіанскихъ князей въ придунайскихъ земляхъ. Конечно при такомъ настроеніи польское правительство должно было воздержать козаковъ отъ походовъ въ помощь императору и потому приказало гетману Жолтевскому разсѣять ополченія Лободы и Наливайка.

Мы передали въ краткихъ чертахъ содержаніе монографіи г. Заклинскаго; остается намъ пожелать, чтобы авторъ продолжалъ свои изслѣдованія съ такими-же научными приемами, какіе мы встрѣтили въ его первыхъ двухъ работахъ, и мы не сомнѣваемся, что онъ займетъ весьма почетное мѣсто среди труженниковъ, разрабатывающихъ исторію южной и западной Руси.

В. А.

О Богданѣ Хмельницкомъ, соч. Н. П. Буцинскаго. Харьковъ, въ тип. Зильберта. 1882 г. 8^я. 240.

Въ весьма недавнее время въ Харьковѣ вышла интересная по сюжету и проводимому въ ней взгляду книжка, заглавіе которой сейчасъ приведено. Авторъ оной, г. Буцинскій, силится, такъ сказать, пролить совершенно новый свѣтъ на личность Богдана Хмельницкаго, на его отношенія къ московскому государству и Украйнѣ, заявивъ, что онъ воспользовался матеріаломъ, который находится въ «польской коронной метрицѣ» и которымъ до сихъ поръ ни одинъ изъ изслѣдователей эпохи Богдана Хмельницкаго не пользовался.

«Польская коронная метрика» составляетъ собственно архивъ королевства польскаго, послѣ взятія Суворовыхъ Варшавы, по повелѣнію императрицы Екатерины II, перевезенный въ Петербургъ. Внослѣдствіи часть этого архива перевезена въ Москву и въ настоящее время она составляетъ особый отдѣлъ въ главномъ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. «Эти матеріалы, при надлежащемъ сопоставленіи и обсужденіи, говоритъ нашъ историкъ Н. И. Костомаровъ, должны помѣ-

нить вообще принятый наукою взглядъ на личность Богдана Хмельницкаго и на характеръ его многознаменательной эпохи».

Не входя въ разборъ книги Буцвискаго, а только дѣлая библиографическое извѣстіе, прибавимъ слова автора, по поводу смерти Богдана: «онъ (т. е. народъ украинскій) не получилъ отъ Богдана ничего, кромѣ ничтожнаго преемника, въ лицѣ его сына Юрія, которому приличіе было-бы «козацкіе курени подметать, по выраженію народной думы, чѣмъ гетманствовать», ничего, кромѣ смуть, волненій, междоусобій и тысячи новыхъ бѣдствій».

Эпиграфомъ къ книгѣ взяты слѣдующія слова изъ народной пѣсни:

О бодай Хмеля Хмельницкого

Перва куля не минула...

А друная устрелила,

У серденько уцелила.

Мы указали основную мысль автора; какъ онъ справился съ нею, насколько успѣлъ раскрыть и подтвердить оную положительными историческими данными, съ помощью стараго и новаго матеріала, о томъ будетъ сказано особо. Выдающаяся историческая личность Хмельницкаго и установившіеся въ наукѣ взгляды на него требуютъ, конечно, осторожнаго и крайне серьезнаго обращенія съ ними. Остался-ли авторъ названной книги вѣрнымъ этой мысли, увидимъ впоследствии.